

ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ

1612

КАК НИЖНИЙ
НОВГОРОД
РОССИЮ СПАСАЛ

Вячеслав Алексеевич Никонов
1612-й. Как Нижний
Новгород Россию спасал
Серия «Никонов Вячеслав. Книги
известного историка и политолога»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64633932

В. А. Никонов. 1612-й. Как Нижний Новгород Россию спасал: ООО

«Издательство «Эксмо»; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-119328-7

Аннотация

Памятник Кузьме Минину и князю Дмитрию Пожарскому, установленный на Красной площади в Москве, известен всем. Но хорошо ли мы знаем биографии этих национальных героев, исторический контекст, в котором они действовали, идеи, которыми вдохновлялись?

В начале XVII века Россия захлебнулась в братоубийственной Смуте. Вопрос стоял о существовании Руси как государства. Интриги верхов и бунты низов, самозванщина, иностранная интервенция, недолгое правление Василия Шуйского, первое и второе народные ополчения, избрание на царство Михаила

Романова – обо всем этом рассказывается в книге на большом фактическом материале.

Огромную роль в сохранении суверенитета страны сыграл тогда Нижний Новгород. Город не только отбил войска интервентов и узурпаторов, но и подвигом Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского поднял народ на защиту страны в 1612 году.

Да, Россию в итоге спасала вся страна. Но без Нижнего могла и не спасти.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

Содержание

От автора	6
Глава 1. Разлом	11
Нижний Новгород перед Смутой	11
Бунташный век	25
Самозванщина	34
Глава 2. Под властью Шуйского	48
Царь не настоящий	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Вячеслав Никонов 1612-й. Как Нижний Новгород Россию спасал

© Никонов В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

800-летию Нижнего Новгорода посвящается

От автора

В 2021 году Нижнему Новгороду – 800 лет.

Несмотря на столь солидный возраст, город наполнен динамизмом молодости. И на этой земле все пропитано историей.

Она уходит корнями очень далеко – во времена мезолита. Радует глаз неповторимый Городец – первый оплот Руси на Нижегородской земле.

Основание Нижнего Новгорода неразрывно связано с именем святого князя Юрия (Георгия) Всеволодовича, которому выпала тяжкая судьба главы Великого княжества Владимирского в дни татаро-монгольского нашествия. С мечом в руках и он сам, и его сыновья сложили головы в неравных схватках с беспощадными ордами захватчиков.

Нижегородское великое княжество заявляло о себе как о самостоятельном центре силы, готовом поспорить за первенство с Москвой в возрождавшемся, встававшем с колен государстве.

Оплот на восточных рубежах страны, Нижегородская земля стала и форпостом расширения российского влияния на Восток. На берегах Волги и Оки вознеслись каменные стены кремля, который оказался неприступным для захватчиков.

Драма церковного раскола связана с могучими фигурами нижегородцев патриарха Никона и протопопа Аввакума.

Здесь Русь Святая – место духовных подвигов преподобного Серафима Саровского.

Крупнейшие в стране Макарьевская, Нижегородская ярмарки не только превратили Нижний в «карман России». Это была и та биржевая площадка, на которой устанавливались мировые цены на многие виды продукции. И надгробный памятник великому инженеру и архитектору Бетанкуру был установлен в Санкт-Петербурге не поспешившими его забыть петербуржцами, а благодарными за архитектурный ансамбль ярмарки нижегородскими купцами.

Здесь развернулся технический гений «нижегородского Архимеда» Ивана Кулибина, отсюда мир получил неевклидову геометрию блестящего Николая Лобачевского.

Здесь прокладывали всей стране путь в небо нижегородцы Петр Нестеров и Валерий Чкалов. Из Нижегородской радиолaborатории радиосвязь пришла на территорию всей страны.

Нижегородский регион был единственным, четыре руководителя которого – Лазарь Каганович, Вячеслав Молотов, Анастас Микоян, Андрей Жданов – стали членами Политбюро ЦК. Нижний долгие годы носил имя земляка Максима Горького, безусловно, самого знаменитого писателя страны того времени.

Город стал столицей советского автопрома и сохранил этот статус в современной России.

Нижегородцы грудью защитили Родину в Великой Отечественной войне. На этой земле были выкованы щит и меч

нашей страны, позволившие сокрушить гитлеровскую Германию – здесь произвели почти половину советской артиллерии, треть танков и самолетов.

И после войны здесь обеспечивался военно-стратегический паритет: в Сарове была сделана ядерная бомба, на самых высокотехнологичных предприятиях области создаются многие из тех вооружений, которые обеспечивают нам качественное превосходство над любым потенциальным противником.

Нижегородская область и нижегородцы играют огромную роль в политических процессах современной России. И не случайно Владимир Путин в 2018 году объявил о начале своей президентской избирательной кампании именно в Нижнем Новгороде, на прославленном ГАЗе.

Всего не перечислить...

Что может сделать к 800-летнему юбилею депутат Государственной думы от Нижегородской области, руководитель Нижегородского отделения Российского исторического общества, доктор исторических наук?

Не в последнюю очередь, написать Историю Нижегородскую.

Конечно, поколения нижегородских историков и краеведов уже разведали едва ли не все о своем прошлом. Однако, должен заметить, что нижегородцы слишком скромны в оценке роли своей земли в российской и мировой истории. А россияне мало осведомлены о том, чем они обязаны Ни-

жегородской земле.

Постараюсь это немного исправить. Как человек, не родившийся на этой земле, но судьбой с нею связанный.

В нижегородской истории есть события, о которых люди не только слышали, но и отмечают каждый год. Как 4 ноября, когда Россия празднует День народного единства.

Именно Нижнему Новгороду Россия обязана своим существованием и суверенитетом, когда Смута сделала страну легкой добычей для иностранных агрессоров. Город не только отбил войска интервентов и узурпаторов, но и подвигом Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского поднял народ наш на спасение страны в 1612 году.

За свою почти 1160-летнюю историю наша страна четыре раза терпела подлинные Крушения. Когда разрушались традиционные формы государственности, страна превращалась из субъекта в объект международной политики, становилась полем боя гражданских войн и/или интервенций, несла колоссальные человеческие жертвы, теряла огромные территории, отбрасывалась назад в экономическом развитии. Когда вставал вопрос о выживании ее как государства и нации.

Первое Крушение было вызвано внешним завоеванием: в XIII веке раздробленные русские княжества стали добычей монгольского войска.

Однако со времен свержения ордынского ига Россия справлялась с вызовами извне, никому было не под силу ее

завоевать. Но она оказывалась уязвима изнутри. Все последующие Крушения объяснялись почти исключительно кризисом общества, которое переставало верить в себя. Это породило революционные взрывы, ставившие страну на грань существования.

Так было в 1917 году и во время последовавшей Гражданской войны, которая унесла миллионы жизней, а государственность была восстановлена методами большевистской диктатуры. Так было в 1991 году, который принес развал СССР.

И так было в начале XVII века, когда Россия захлебнулась в братоубийственной Смуте.

В тот момент буквально стоял вопрос о продолжении существования России как государства. Это не преувеличение.

Огромную, беспрецедентную, бесценную роль в спасении страны тогда сыграли Нижний Новгород и его граждане. Да, Россию в итоге спасала вся страна.

Но без Нижнего могла и не спасти.

Автор выражает искреннюю благодарность за помощь в работе над книгой блестящим нижегородским знатокам Средневековья *Борису Моисеевичу Пудалову* и *Андрею Александровичу Кузнецову*, моим незаменимым помощникам – *Татьяне Борисовне Суховой*, *Светлане Алексеевне Трубниковой*, а также *Владиславу Дмитриевичу Толкачеву*.

Глава 1. Разлом

Нижний Новгород перед Смутой

Нижний Новгород, которому предстояло сыграть столь важную историческую роль, тогда вовсе не был мегаполисом. Но он был одним из крупных городов Московского государства.

Англичанин Джильс Флетчер, посетивший нашу страну в 1588 году, причислил Нижний к числу «главных городов России», назвав его после Москвы, Великого Новгорода, Ростова, Владимира, Пскова, Смоленска, Ярославля, Переяславля, но до таких городов, как Вологда, Устюг, Холмогоры, Казань, Астрахань, Каргополь и Коломна.

По вкладу в общероссийскую казну – 7 тысяч рублей в год – Нижний Новгород был шестым, как зафиксировал тот же Флетчер. Он уступал по этому показателю только Старой Руссе, которая давала пошлин на 18 тысяч рублей, Москве и Пскову (по 12 тысяч), Казани (11 тысяч) и Смоленску (8 тысяч). Даже в конце Смутного времени, в 1612–1613 годах, когда экономика всей страны и Нижнего была разорвана в клочья, было собрано свыше 6.5 тысяч рублей (а в 1614–1615 годах – 12 тысяч, в 1619–1620 годах – более 17 тысяч).

Город еще не сильно поражал взор приезжей публики.

Урух-бек, путешествовавший с персидским посольством из Астрахани в Архангельск в 1599 году, писал о весьма унылом виде речных берегов и города. Два страшных пожара, случившиеся в последнее пятилетие XVI века, уничтожили чуть не треть домов, повсюду попадались пустыри с остовами обгоревших печных труб.

Дятловы горы, на которых расположился Нижний, Урух-бек вообще счел малопригодными для городского строительства из-за глубоких оврагов с речушками: угрозы оползней заставят жителей перенести свои дома в более безопасные места.

Это мнение путешественника не было умозрительным. Как зафиксировали летописи, 18 июня 1597 года «в Нижнем Нове-Граде в Печерском монастыре оползла гора от матерой степи и прошла вниз под холмы, где монастырь стоит... Вышла та земля на Волгу сажень на 50, а инде и больше... И явились на Волге бугры великие: суды, которые стояли под монастырем на воде, и те суды стали на берегу на суше, сажень двадцать от воды и больше. И после того, как поникла гора, пошли из горы ключи великие».

В XVII веке Нижний Новгород делился на четыре части. Три из них – кремль, Верхний и Нижний посады – расположились высоко над излучиной, образованной устьем Оки и дальнейшим плавным течением Волги. А Канавино (или, как тогда говорили, Кунавино) смотрело на них с левого берега Оки.

В кремле тогда размещалось более 400 зданий: монастыри, соборы, церкви, съезжая (приказная) изба – орган управления уездом, более 200 боярских и дворянских осадных дворов и всего 20 дворов посадских людей. «Главная магистраль кремля – Большая мостовая улица – начиналась возле ворот четырехугольной Ивановской башни и, круто изгибаясь, уходила в гору на главную площадь, – писал ведущий историк Смуты из Петербурга Руслан Григорьевич Скрынников. – Посреди площади высился белокаменный Спасо-Преображенский собор. Его окружал хоровод деревянных церквушек. С запада к кремлю примыкали обширные посады. Их защищал острог с бревенчатыми башнями и рвом. Посады были заполнены множеством рубленых изб. На богатых дворах стояли терема с шатровым верхом».

Большинство горожан обитали на Верхнем посаде, который примыкал к кремлю со стороны Волги. Ближе к Оке, на Нижнем посаде, размещались и жилые дома, и торговые ряды. В Кунавинской слободе проживали в основном посадские люди и государевы каменщики и кирпичники.

Точно установить численность населения Нижнего Новгорода в начале XVII века невозможно. Дон Хуан Персидский оценивал его в 1600 году в 8 тысяч человек. По данным источников, городской посад насчитывал несколько сот «тяглых» дворов, а всего в Нижнем проживало 3–3,5 тысячи мужчин. Относительно высокая по тем временам численность нижегородцев была результатом усилившегося во вто-

рой половине XVI века переселения людей из центральных районов страны на восток вследствие природных бедствий и эксцессов опричнины.

Свидетельством размера города и его населения может служить и такой факт: «во время двух пожаров в середине 1670-х годов на посаде выгорело 1013 дворов». Писцовая перепись 1621 года определит в Нижнем Новгороде около 2 тысяч дворов и не менее 12 тысяч жителей. Почти сто лет назад нижегородские архивисты отметили, что вряд ли в начале XVII века город был значительно меньше, чем в начале 1620-х.

Нижегородский посад, организованный в десятки и объединенный в земский мир с двумя старостами во главе, являлся самой влиятельной силой в городе.

Основными занятиями нижегородцев были ремесла и торговля.

В писцовой книге 1620–1622 годов можно найти названия более ста ремесел. Наиболее массовыми профессиями были плотники и кузнецы, занятые в судостроении, сапожники и кожевники.

Нижний был крупным торговым центром, чему способствовало пересечение важнейших водных – по Волге и Оке – и сухопутных путей, помноженное на немаленькое внутреннее производство. Ока связывала Нижний Новгород с Рязанским краем и – через Москву-реку от Коломны – со столицей. Туда ездили и посуху – через Муром, Владимир и Суз-

даль, до которых можно было тоже добраться и по воде – по той же Оке, Клязьме и Нерли. Волга была самой удобной дорогой в Ярославль, от которого шел путь к Вологде, и вниз по течению – к Казани и Астрахани. На Ярославль и Казань от Нижнего был и сухопутный путь, главным образом зимний, вдоль берега Волги. Через Казань, а затем и через Яранск и Котельнич Нижний Новгород имел сообщение с Вятской землей, с Пермью Великою и с Сибирью.

Город замыкал на себя многие внутрirosсийские и зарубежные товарные потоки: соль из Балахны, с Камы и Астрахани, волжская рыба, кожи, ткани, хлеб из приокских мест, российские и европейские товары из Москвы и Ярославля, бухарские, персидские и индийские товары из Астрахани, меха из Сибири.

Торговали в основном русские купцы и их коллеги из Персии, Бухары, Хивы, Закавказья, которые нередко прибывали в составе посольств, сопровождавшихся охраной из стрельцов. Торговали в Нижнем со второй половины XVI века и англичане.

Да и сам Нижегородский уезд был богат и хлебом, и рыбой, и пушниной (наиболее ценился мех бобра), медом и воском, лесом.

Торговая жизнь города была сосредоточена в основном возле Гостиного двора и на Нижнем посаде, где стояли сотни амбаров и лавок вдоль торговых рядов – железного, рыбного, мясного, сапожного и прочих. Сколько? В пожарах 1613 и

1614 годов сторело 725 лавок и амбаров с товарами. Даже в самый разгар Смуты в Нижнем Новгороде продолжали бизнес и «люди Строгановых», и купцы из Москвы и Ярославля, которым предстояло внести свою лепту в освободительную борьбу.

«Нижний Новгород обладал превосходной системой обороны, – пишет Скрынников. – Лишь несколько русских городов имели каменные крепости, по мощности равные нижегородскому кремлю. Его толстые стены, покрытые тесом, то поднимались уступами в гору, то опускались к воде. В уязвимых пунктах оборонительной линии возвышались башни, числом более десятка».

Нижний, возникший в 1221 году как крепость-форпост Владимиро-Суздальской Руси на ее восточной окраине, во второй половине XVI века, после покорения Казани и постройки все новых крепостей в татарских, мордовских, черемисских и чувашских местах, постепенно утрачивал свое военное значение. К началу XVII века город имел большой и хорошо вооруженный крепкий «каменный город», Верхний и Нижний посады его были защищены деревянными острогами с башнями и рвом.

Но гарнизон города был достаточно небольшим. В нем жило примерно 500 стрельцов. Причем они не только охраняли город и Нижегородский уезд, но и привлекались правительством к полковой службе в прилегающих уездах земель Казанского дворца. В 1550–1580-е (с перерывами) годы По-

волжье было охвачено огнем «черемисских войн», в которых участвовали марийцы (черемисы), татары, чувашаи, чьи отряды нередко разоряли Нижегородский уезд. Опасаясь возобновления конфликтов, правительство держало в боеготовности кремль Нижнего и войска в Курмыше.

Кроме русских служилых людей «по прибору» (стрельцы, пушкари, затинщики, воротники, казенные кузнецы) и «по отечеству» (дворяне и дети боярские) в Нижнем Новгороде служило и около 200 иноземцев, проживавших в «старой немецкой слободе» и в уезде. Служилые иноземцы в Нижнем появились еще при Иване Грозном в 1560-е годы, и они делились на «кормовых», получавших, как и стрельцы, государево довольствие, и на «поместных», наделенных землею в уезде. Эти иноземцы сыграют важную роль в обороне города в Смутные годы.

Таким образом, нижегородский гарнизон в начале XVII века состоял приблизительно из 750 человек – стрельцов, кормовых иноземцев и крепостной прислуги.

Дворяне, дети боярские и поместные иноземцы Нижегородского уезда не были постоянным населением Нижнего Новгорода. Мало кто из них имел в Нижнем свои дворы, они жили в основном в своих поместьях и несли государеву службу по различным городам или приказам.

Нижегородское дворянство было в массе своей мелкопоместным. Земельные владения часто были лоскутными, и

из-за нехватки рабочих рук далеко не вся земля обрабатывалась. Самым крупным помещиком нижегородского уезда был Борис Иванович Доможиров. Он «при окладе в 600 четей имел 545 четей пашни и собирал 600 копен сена; в поместье его было несколько мелких озер, на поместном же праве (в 30 четей) была за ним мельница, но и у него пашни в живущем в 7116 г. считалось только около 142 четей, т. е. немногим больше четверти его поместья. Ждан Петрович Болтин, также принадлежавший к верхам нижегородского дворянства, имел в двух станах из 400 четей оклада всего 200 четей пашни в поле, из которых паханой было около 80 четей; сена собирал 92 копны».

При таком состоянии поместий большое значение приобретало государево денежное жалованье. Но и оно не превышало 14 рублей и «выдавалось смотря по службе, а если служб не бывало, то в известные сроки, раз в 3–5 лет и даже реже». В 1607 году из 316 нижегородских дворян и детей боярских только 14 получали жалованье ежегодно.

Родовитые семьи были редкостью. Во всем уезде была лишь одна княжеская семья Болховских, захудалая и переведенная на службу в Нижний из Владимира во второй половине XVI века. Жедринские – одна из родовитых дворянских семей – предположительно были переведены в Нижний из Новгорода великим князем Василием Васильевичем. Оттуда же, вероятно, появились в Нижнем и Доможировы, а также, возможно, Клепальницыны, Княжегорские и неко-

торые другие. «Никто из нижегородцев не попал в избранную “тысячу” царя Ивана, очевидно, по “непригодности”, ни один и позже – до царя Михаила – не дослужился до дворянства московского. Нижегородское дворянство не играло ключевой роли в жизни уезда и по своему влиянию уступало нижегородскому посаду», – замечал Павел Григорьевич Любомиров, профессор в Санкт-Петербурге, Томске, Саратове, завершивший свой трудовой путь в Государственном историческом музее. Он написал историю Нижегородского ополчения в 1917 году, ее переиздали в 1939 году, перед Великой Отечественной войной.

Нижний Новгород в начале XVII века находился в патриаршей церковной области, у него по неизвестной причине не появилось своей архиепископии, как это было предreshено соборным постановлением 1589 года. В самом городе было до 30 приходских церквей и соборных храмов. Их здания до нас не дошли, самые старые храмы Нижнего, которые сейчас радуют наш глаз, были построены уже после Смуты.

Большую роль в жизни города и его окрестностей играли пять мужских монастырей – Печерский, Благовещенский патриарший, Духов, Симеоновский, Успенский – и один женский – Зачатейский. Монастырь Благовещения Богородицы стоял за чертой города на правом берегу Оки. Печерский Вознесенский монастырь, разрушенный оползнем в 1597 году, но пользовавшийся наибольшим духовным авторитетом, восстанавливался на правом берегу Волги.

В кремле главными являлись построенные в XIV веке Спасо-Преображенский и Михаило-Архангельский соборы (после Смуты их разберут и восстановят в новом облике). Настоятель Спасо-Преображенского собора обладал властью над причтами остальных церквей.

По данным писцовой книги 1621 года, в Нижнем Новгороде было 85 дворов, принадлежавших духовенству. Монашеская братия была немногочисленной. В монастырях насчитывалось всего 88 келий, включая апартаменты настоятелей, из них 36 были в Зачатейском монастыре. Население келий вряд ли вдвое превосходило их количество. Люди духовного чина по условиям жизни стояли ближе к посадским, чем к служилым людям, рассчитывая больше на добровольные приношения прихожан и плату за требы.

Но при этом торговый дух Нижнего Новгорода не обошел своими веяниями и церковь. Монастыри, церкви, даже отдельные члены клира и братии имели свои лавки, соляные амбары, владели кузницами, а в уезде и мельницами.

В городе жили и представители администрации: воеводы, дьяк с подьячими, сторожа, находились подворья и дворы не нижегородских монастырей (в писцовой книге всего 18 дворов), дворы дворян и детей боярских Нижнего Новгорода и других низовых городов и иноземцев (около 150 дворов), около 160 дворов ямщиков, более 150 дворов, заселенных монастырскими трудниками и бобылями, и несколько келий нищих.

По меркам того времени Нижний в начале XVII века был городом не только крупным, но и растущим, динамичным.

Он был центром Нижегородского уезда, который в начале XVII века насчитывал порядка шестисот селений с 30 тысячами дворов и со 150 тысячами крестьян мужского пола.

Крестьяне уезда делились на монастырских, дворцовых, черносозных, а также на частновладельческих, принадлежавших двум боярам и четырем сотням «служилых по отечеству» помещиков.

Уезд состоял из Березопольского, Закудемского, Стрелицкого станов и Терюшевской, Толоконцевской и Белогородской волостей. На западе и юго-западе он по реке Кишма граничил с Муромским уездом. На юге Нижегородского уезда лежал Закудемский стан. Чтобы попасть туда из Нижнего Новгорода, надо было пересечь приток Волги – Кудьму.

Население распределилось весьма неравномерно. Северная, заволжская часть, лесная и болотистая – была заселена слабо. Восточнее реки Ватомы на левом берегу Волги не было, похоже, ни одного поселения. К югу от Волги, в Стрелице, самом западном стане, население концентрировалось на берегах Оки и Волги, не заходя в глубь лесов. За Окой более густо был заселен западный – Березопольский – стан, чем обширный Закудемский. В этих двух станах рядом с русскими починками, деревнями располагалось немало мордовских сел и деревень. Но мордовское население в начале XVII века составляло уже меньшинство в уезде.

Арзамас, Балахна, Курмыш, Гороховец сами были центрами уездов, формально равными Нижнему. Однако, конечно, и по политической традиции, и по фактическому положению Нижний Новгород был для них первым среди равных.

Границы между уездами постоянно менялись. Некоторые пограничные территории, формально оставаясь в одном уезде, управлялись властями другого уезда и в этом случае назывались «приписными». Кроме того, в курмышских, арзамасских, балахнинских и гороховецких землях располагались владения нижегородских монастырей – Благовещенского, Печерского, Дудина.

Основу экономики Нижегородского уезда составляли промыслы – рыболовство, бортничество, промысловая охота и лесные промыслы, животноводство – и торговля их продукцией.

Актовая и писцовая документация пестрит упоминаниями о пустошах, то есть заброшенных землях в уезде.

Под пашню была расчищена относительно небольшая территория. Центрами земледелия выступали главным образом северная часть Березопольского стана, приокские и приволжские районы Стрелицкого, приволжская полоса и восточная Княгининская волость Закудемского стана. Плодородная почва щедро вознаграждала земледельцев, о чем свидетельствовали и более шестидесяти только водяных мельниц в уезде, и отзывы заезжих иностранцев.

Мордовское население занималось земледелием мало, сосредоточив свои усилия на зверином и бортном промыслах в бескрайних лесах. Особенно богат был зверем Закудемский стан. По берегам Оки и Волги было много лугов, заготовка сена повсеместно не была проблемой. И по всему уезду на реках и озерах были богатые бобровые гоны и рыбные ловли, о чем свидетельствовали суммы оброков.

Светских вотчинников в числе землевладельцев было всего два на весь Нижегородский уезд: боярин Федор Иванович Шереметев, которому принадлежали в Закудемском стане село Кадницы на реке Кудьме и деревня Медведково, и боярин князь Иван Михайлович Воротынский, владевший в том же Закудемском стане селом Княгининим (которое станет городом Княгинин) с деревнями.

Монастырское землевладение не было масштабным. Документы говорят только о небольших вотчинах и разного рода угодьях нижегородского Печерского монастыря и приписанного к нему Толоконцевского, нижегородских Зачатейского, Благовещенского, Николы Дудина, а также Троице-Сергиева, суздальского Спасо-Евфимьева.

Остальные частновладельческие земли представляли собой около 480 поместий, которые в начале XVII века принадлежали четырем сотням дворян, детей боярских и иноземцев, в основном Нижегородского уезда. Владельцами около сорока поместий были свияжские, казанские, кузьмодемьянские, чебоксарские жильцы. Спецификой Нижегород-

ского уезда было почти полное отсутствие в нем перед Смутой поместий московских чинов: было зафиксировано только небольшое поместье дьяка Петра Микулина.

До критической массы насыщения помещиками, как в тогдашней Центральной России, в Нижегородском уезде было еще далеко. Существовало большое количество государевых дворцовых селений, к которым относились, похоже, все наиболее крупные села (кроме Княгинина), такие, как Павлово с сотней торговых и ремесленных заведений, рядом мельниц, Ворсма и некоторые другие.

В отличие от дворцового крестьянства значительная часть мордовского населения, недовольного расселением русских, помещичьи крепостные крестьяне, а также холопы, которых, впрочем, было немного в Нижегородском крае, представляли взрывоопасную среду. Почувствовав слабость государственной власти, они были способны восстать за землю или свободу. Такая ситуация и возникнет в Смутное время.

Бунташный век

Семнадцатый век войдет в историю России как «бунташный». И вначале была Смута. Откуда она взялась?

Выдающийся историк академик Сергей Федорович Платонов был краток: «Начальным фактом и ближайшей причиной смуты послужило прекращение царской династии. Совершилось это прекращение смертью трех сыновей Ивана Грозного: Ивана, Федора и Дмитрия».

Ничуть не уступавший Платонову предшественник, учитель Николая II Василий Осипович Ключевский утверждал: «Почвой для нее послужило тягостное настроение народа, общее чувство недовольства, вынесенное народом из царствования Грозного и усиленное правлением Б. Годунова. Повод к Смуте дан был пресечением династии со следовавшими затем попытками искусственного ее восстановления в лице самозванцев. Коренными причинами Смуты надобно признать народный взгляд на отношение старой династии к Московскому государству, мешавший освоиться с мыслью о выборном царе, и потом самый строй государства с его тяжелым тягловым основанием и неравномерным распределением государственных повинностей, порождавшим социальную рознь: первая причина вызвала и поддерживала потребность воскресить погибший царский род, а эта потребность обеспечивала успех самозванства; вторая причина преврати-

ла династическую интригу в социально-политическую анархию».

После смерти Ивана Грозного в 1584 году возник конфликт по поводу того, кого ставить на царство – «слабоумного ли Федора или малолетнего Дмитрия». Боярская дума голосами служилых людей разрешила спор, отдав первенство Федору, что создало большое преимущество его тестю, отцу царицы Ирины Борису Годунову, поднявшемуся в годы опричнины. Царь Федор Иоаннович, не воспитанный для трона (предполагалось, что править будет его старший брат Иван, трагически погибший, вероятно, по вине отца), обладал скорее иноческим, чем державным мировосприятием.

При Федоре «худородные» любимцы покойного царя за два-три года были вытеснены могущественными аристократами. Но не им было суждено править. Оттеснив и отправив в почетную и реальную ссылку куда более родовитых Шуйских, Мстиславских, Романовых-Захарьевых-Юрьевых, на первый план вышел Борис Годунов, которому царь Федор, по свидетельству его биографа, на девять десятых передал бразды правления. Все царствование Федора пройдет под знаком острейшего соперничества бояр по вопросу о том, кто из них сменит бездетного монарха (царевич Дмитрий, брат Федора, многими не считался легитимным, поскольку был сыном Ивана Грозного в шестом-седьмом браке, тогда как церковь допускала не более трех).

При Федоре Иоанновиче произошло несколько важней-

ших событий в российской истории, сыгравших очень большую роль и в истории Смуты.

Прежде всего, это усиление крепостного права через введение заповедных и урочных лет, что, по логике правительства Годунова, должно было помочь преодолеть разрушительные экономические последствия 25-летней Ливонской войны. Поначалу считалось, что заповедные годы, запрещающие крестьянские переходы, – мера временная, но нет ничего более постоянного, чем что-то временное.

Лишившись легальных возможностей покинуть хозяев, крестьяне начали бегство нелегальное. В сельской местности все чаще и не без оснований говорили о появлении в лесах разбойников, об избиении слугами и холопами их господ. Массы крестьян и холопов устремились на южные окраинные земли, быстро пополняя ряды казачьей вольницы.

Другим важнейшим событием стало утверждение патриаршества. Это явилось следствием многоходовой интриги, которую с успехом осуществили Федор и Борис Годунов.

Вселенский Константинопольский патриарх Иеремия II, занявший престол после свержения его предшественника Феопипта турецким султаном, застал полное разорение, османы даже забрали под мечеть патриарший собор. В этих условиях патриарха, наслышанного о щедрых дарах Федора восточным иерархам, не сложно было заманить в Москву. Там царь и Годунов ему указали на неправильность положения, при котором Русская церковь увенчана лишь митропо-

личьей кафедрой. Иеремия начал торг: столь драгоценный товар можно было продать лишь один раз. После подчеркнуто любезного официального приема патриарха отпустили на обед и... «забыли» о нем – на несколько месяцев, запретив покидать столицу. Он не выдержал ожидания и согласился... стать патриархом Русской церкви. Федор Иванович и Годунов идею вроде бы одобрили, но... предложили ему обосноваться во Владимире, поскольку в Москве-де уже есть митрополит Иов. Наконец, Иеремия дал себя уговорить.

26 января 1589 года в Успенском соборе был поставлен первый русский патриарх – Иов (даты в книге приведены по старому стилю, для вычисления нового стиля применительно к XVII веку надо прибавить 10 дней). В Соборной уставной грамоте, узаконившей патриаршество, объявлялось, что «ветхий Рим пал от ереси», новый Рим – Константинополь – поработен безбожными племенами агарянскими (т. е. мусульманами), поэтому третий Рим есть Москва.

Наконец, в 1591 году произошло еще одно – роковое для российской истории – событие: в Угличе при крайне загадочных обстоятельствах погиб 8-летний царевич Дмитрий, страдавший эпилепсией. Народная молва, которую с усердием распространяли и отодвинутые в сторону аристократы, сразу заговорила об убийстве, якобы организованном Годуновым, прокладываявшим себе путь к престолу.

В 1598 году, когда умер царь Федор Иоаннович, пресеклась правившая династия. Это событие само по себе вызва-

ло острейший общенациональный шок и кризис. Как справедливо подчеркивал Ключевский, узлом, связывавшим все отношения в Московском государстве, было «лицо известной династии, и государственный порядок признавался возможным только при государе именно из этой династии. Поэтому, когда династия пресеклась и, следовательно, государство оказалось ничьим, люди растерялись, перестали понимать, что они такое и где находятся, пришли в брожение, в состояние анархии... Пришлось выбирать царя Земским собором. Но соборное избрание по самой новизне дела не считалось достаточным оправданием новой государственной власти, вызывало сомнения, тревогу».

С этого момента власть перестала быть богоданной. Она теряет прежнюю легитимность и начинает искать новую. В борьбе за освободившийся трон столкнулись Боярская дума, расколовшаяся на сторонников бояр Романовых (родственников первой жены Ивана Грозного) и Бориса Годунова, и Земский собор. На Соборе, собравшемся на патриаршем подворье, Годунов получил поддержку. Боярская дума считала, что лишь она как высший государственный орган может вынести решение о престолонаследии. Не договорившись о конкретной кандидатуре, Дума предложила самому красноречивому своему члену дьяку Щелканову выйти к народу и предложить принести присягу на имя Думы, вводя тем самым боярское правление взамен монархии. Народу эта идея явно не понравилась. Тем временем Собор отправил

шествие к Борису в Новодевичий монастырь, где он дал уговорить себя занять престол.

Монархия стала выборной, чего, кстати, в Западной Европе не наблюдалось. Борис Годунов стал первым, но не последним царем, избранным «всею землей».

Правление Годунова, драма которого столь талантливо описана пером Александра Сергеевича Пушкина, было несчастным. Как писал «наш Тацит» (слова Пушкина) Николай Михайлович Карамзин, «Годунов не имел выгоды быть любимым, ни уважаемым, как прежние монархи наследственные. Бояре, некогда стояв с ним на одной ступени, ему завидовали; народ помнил его слугою придворным. Нравственное могущество царское ослабело в сем избранном венценосце». Годунов, выходец из второстепенной ветви старинного московского боярства, так и не сможет изменить восприятие его аристократической элитой – выскочка, недоцарь, «низкий по отечеству».

«Если бы царь Борис Федорович принадлежал к московской династии, любовь подданных, известная ему при жизни, никуда бы не исчезла, а времена его правления хвалили бы за “тишину и благоденствие”», – справедливо замечает современный биограф людей Смутного времени Вячеслав Николаевич Козляков.

«Борис в своей деятельности был преимущественно умным администратором и искусным дипломатом, – отмечал Платонов. – Одаренный мягкой натурой, он не любил воен-

ного дела, по возможности избегал войны и почти никогда сам не предводительствовал войском». Борис много времени проводил во дворце, редко выходил к людям, не принимал челобитных. И его власть разрушала стоустая молва, которая заметно оживилась после смерти Федора Иоанновича. Годунову приписывали и его отравление.

«События первого периода Смутного времени, когда в столице и на далекой Украине шла борьба за московский престол, непосредственно не затрагивали Нижнего Новгорода. Вначале он только видел некоторых потерпевших поражение в этой борьбе. Так, по воцарении Федора Ивановича в Нижний был сослан затеявший какую-то смуту в столице Богдан Бельский, при царе Борисе в 1602 году с июля по октябрь прожили здесь под надзором возвращенные из ссылки кн. Ив. Бор. Черкасский и Ив. Ник. Романов.

Затем начавшееся в 1604 г. волнение среди приволжских казаков, потом поход по Волге самозванца Петра-Илейки уже должны были отразиться на торговых оборотах Нижнего, затрудняя и, может быть, даже временно прекращая торговое движение на Волге», – писал Любомиров.

Дмитрий Николаевич Смирнов, видный нижегородский краевед, представитель известного рода нижегородских купцов и предпринимателей, справедливо замечал: «Годы от 1601 и по начало 1612 были для Нижегородского края, как и вообще для всей страны, длительной порой глубоких потрясений». Первым пришел голод.

Летом 1601 года дожди лили так часто, что, по словам Авраамия Палицына, «все человецы в ужас впадоша». Хлеб не зрел, стоял зеленый, «аки трава». После «Успенъего дня» – 15 августа – ударил «мраз велий» и погубил все посеы. Осенью и зимой люди питались «с нуждою» остатками от предыдущего урожая.

Весною 1602 года семян хватило на посев, но опять залитые дождями они не взошли. Осенью начался «глад великий» и «мроша людие, как и в поветрие моровое не мроша». К следующей весне люди «ядоша всякую листву, траву и мертвечину, и пси, и кошки».

Осенью 1603 года нечем оказалось сеять, цены на зерно взлетели за три года в сто раз. Правительственные меры поддержки не могли спасти многих: государевы закрома быстро пустели и в Нижнем.

Жители били челом царю Борису, который даже назначил расследование положения в уезде, к нему были привлечены и духовные власти Печерского монастыря, выявившие злоупотребления казенным хлебом.

«Впрочем, и малая зависимость нижегородцев от продуктов земледелия, и возможность компенсации дефицита хлеба продуктами рыболовства, охоты, собирательства и бортничества делали проблему голода не такой острой, как в других землях, – писали известные нижегородские историки Алексей Владимирович Морохин и Андрей Александрович Кузнецов. – Видимо, по этой причине в Нижегородском и

соседних уездах деструктивные проявления начального этапа Смуты – голодные бунты, первый Самозванец – не прослеживаются».

Вместе с тем трехлетний голод породил самые невероятные слухи, виделись самые мрачные предзнаменования. Что в лесах взбесились волки и перекусали друг друга, а по городам бегали разноцветные лисицы. Что ураганы будто бы опустошили половину уезда, в реках и озерах исчезла рыба, а в лесах птицы. В довершение всех бед летописец сообщает: «Пришла мышь малая из-за леса тучами». Это было редкое в нижегородских краях нашествие саранчи. В конце 1604 года на небе появилась яркая комета, которая была видна в Нижнем даже днем. На Руси кометы всегда рассматривались как самое злое знамение. Люди ждали худшего, вплоть до конца света. И они были близки к истине в своих опасениях.

Самозванщина

Еще в 1600 или 1601 годах, как сообщал французский капитан на русской службе Жак Маржерет, появился слух, что царевич Дмитрий жив. Все историки согласны в том, что в появлении самозванца важнейшую роль сыграло московское боярство, враждебное Годунову. Немецкий наемник Конрад Буссов, тоже хорошо информированный очевидец событий, в своей «Московской хронике» о Смутном времени несколько раз повторял, что Лжедмитрий был поставлен боярами, что об этом было известно Годунову, и он прямо говорил это боярам в лицо.

Ключевский был прав, утверждая: «В гнезде наиболее гонимого Борисом боярства с Романовыми во главе, по всей вероятности, и была высижена мысль о самозванце. Вину поляков, что они его подстроили; но он был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве».

Но и роль «польской печки» ни в коем случае не следует преуменьшать. В начале XVII века на сцене истории решался вопрос: какая страна станет великой державой Центральной и Восточной Европы. Претендентов было трое – Польша, Швеция и Россия. Причем Россия выглядела наиболее слабым претендентом – и по численности населения, и по экономическим параметрам, и по военной мощи. В Смутное время вполне мог реализоваться сценарий интеграции Рос-

сии в европейскую систему через превращение в польскую или шведскую провинцию.

Польские монархи и шляхта на протяжении веков претендовали на всю территорию бывшей Киевской Руси. В этом они неизменно пользовались поддержкой Ватикана, никогда не оставлявшего попыток упразднить Православную Церковь. К началу XVII века под властью Польши и Литвы уже оказались земли по правому берегу Днепра, а также Черниговщина, Полтавщина и Запорожье. Жителям Юго-Западной Руси внушалось, что земли, которые теперь называются Украиной и Белоруссией, никогда не принадлежали Руси, и Россия не имеет к ним ни малейшего отношения.

Когда в книге пойдет речь о польских или польско-литовских войсках, то эти термины будут относиться к войскам Речи Посполитой, которая объединяла Польшу, Литву, Украину, Белоруссию. Поэтому в отрядах интервентов были не только этнические поляки, но и литовцы, белорусы, украинцы, наемники едва ли не из всей Западной Европы и даже русские. В религиозном отношении свою волю диктовали католики, но немало было и православных, и протестантов. Речь Посполитая имела очень серьезные виды на Россию, которые должен был помочь реализовать Лжедмитрий II.

Чтобы не быть заподозренным в антипольских измышлениях, предоставляю слово многолетнему директору Библиотеки Конгресса США Джеймсу Биллингтону: «Польша Сигизмунда III являлась авангардом европейской контрре-

формации... Сигизмунд фактически превратил свое королевство в позднейший оплот испанских фанатиков-крестоносцев – ордена иезуитов Игнатия Лойолы... Орден иезуитов долго пытался заинтересовать Ватикан возможностью частично восполнить на Востоке потери, понесенные в результате развития протестантизма в Западной и Северной Европе. Но к началу столетия иезуиты преуспели в подчинении восточноевропейской политики Ватикана интересам тесного рабочего партнерства с польским Сигизмундом III. Поскольку Сигизмунд установил полный контроль над Литвой и заявил серьезные притязания на Швецию, постольку он, естественно, предстал истинным поборником католицизма в Северо-Восточной Европе; к тому же он укрепил свои отношения с Римом двумя успешными габсбургскими браками... Используя сумбурные надежды Московии на то, что «настоящий царь» еще где-нибудь отыщется, иезуиты помогли полякам в свите претендента на престол Дмитрия прийти к власти».

В отношении личности Лжедмитрия I до сих пор нет полной ясности. Ограничусь выводом автора последних жизнеописаний Лжедмитрия I Вячеслава Козлякова (у которого можно прочесть и обо всех других версиях): «Многие хотели бы узнать, на самом ли деле самозванец был Григорием Отрепьевым. Однако похоже, что тайна происхождения царя Дмитрия Ивановича навсегда останется неразгаданной. Самозваному царевичу поверили на слово и приняли все дета-

ли его рассказа о чудесном спасении как достоверные.

Тот, кого называли Григорием Отрепьевым, скорее всего, им и был».

Профессор Фордхэмского университета Оскар Халецки рассказывал о начале интриги. «Его завораживающая история началась на самом деле в Польше, где он нашел себе убежище в 1603 году и преуспел в том, что разбудил к себе интерес и короля, и папского нунция, так как обещал сотрудничество с Польшей и религиозное объединение с Римом, если ему будет оказана помощь в осуществлении его целей. Он действительно внушил к себе достаточно доверия, чтобы получить любую официальную помощь. Когда на следующий год Лжедмитрий вторгся в Россию, это произошло лишь с ограниченным участием отдельных польских магнатов, включая не католиков и противников королевской власти, а также некоторого числа украинских казаков, взволнованных такой авантюрой и последовавших примеру русских донских казаков, которые тоже восстали против Москвы».

Авантюра с продвижением Лжедмитрия I на русский престол была затеяна в Польше не только иезуитами, но и как инициатива некоторых крупных магнатов во главе с Мнишеками. Они во многом и профинансировали поход Лжедмитрия, к которому присоединились и силы внутривосточной Смуты.

Борис Годунов объявил о мобилизации всего дворянского ополчения, как только узнал о первых успехах самозванца.

Но дальше... «Разрядный приказ получил распоряжение собрать полки в течение двух недель, – писал Скрынников. – Царское повеление было повторено трижды, но выполнить его не удалось. Потребовалось не менее двух месяцев, чтобы вызвать дворян из их сельских усадеб в места формирования армии. Осенняя распутица затрудняла мобилизацию... Дворянское ополчение не привыкло вести войну в зимних условиях, среди заснеженных лесов и полей... После утомительной зимней кампании царские полки стали таять. Не спрашивая “отпуска” у воевод, дворяне толпами разъезжались по своим поместьям».

Самозванный царевич Дмитрий побеждал только потому, что, как казалось многим, у него было преимущество «прирожденности». «Воскресший» Дмитрий стал могильщиком и самого Бориса Годунова, и спокойствия в России. Чего хотели русские люди? «Ясного государственного порядка, нарушенного воцарением Бориса Годунова и особенно голодом, “межениной” начала века, благочестиво воспринятыми как наказание за собственные грехи и “за безумное молчание всего мира” перед грехами царей... Но, главное, людям, как всегда, хотелось правды. И они соблазнились легким ответом, явлением на свет царевича Дмитрия, который олицетворял саму преемственность с понятным прошлым и грозил покончить с выборным царем Борисом Годуновым, отодвинувшим от царской власти Рюриковичей», – отмечает Козляков.

В разгар схватки с нашествием самозванца 13 апреля 1605 года Борис Годунов внезапно умер. Боярская дума и население Москвы принесли присягу на имя 16-летнего наследника Федора Годунова и его матери. Казна раздала людям много денег на помин души Бориса, была объявлена всеобщая амнистия. Но это не добавило Годуновым шансов удержаться на троне. Заполнившая Думу родня Бориса не имела ни авторитета, ни поддержки, а около Федора не оказалось никого, кто мог бы твердой рукой удержать штурвал власти. В семье Годуновых царили страх и растерянность. Она теряла почву под ногами и все больше отступала перед призраком законного царя.

Федор даже не успеет короноваться на царство, а дела самозванца резко пошли в гору. Крестьяне, холопы, посадские люди, бежавшие на южные окраины и пополнявшие казачьи станицы, рассчитывали, вступив в ряды самозванца, вернуться вольными людьми. Восстание казаков и стрельцов в Цареве-Борисове привело к крушению системы обороны южной границы. Власть Лжедмитрия признали Оскол, Воронеж, Белгород, Елец, Ливны. Новый воевода Басманов со всем войском перешел на сторону Дмитрия. Его признавали подлинным царем боярские роды, и самозванец начал триумфальное шествие к Москве.

Первого июня 1605 года в столице объявились посланцы Лжедмитрия – Плещеев и Пушкин – и в одной из слобод зачитали грамоту, где рассказывалась история царевича и его

спасения, обещались все мыслимые льготы... Народ привел Плещеева и Пушкина на Красную площадь, где вновь читали грамоту. Люди были в смятении, развеять которое попросили Василия Шуйского, который вел следственное дело об убийстве царевича Дмитрия. Шуйский публично отрекся от прежних выводов собственного следствия и уверил, что Годунов намеревался убить царевича. Чтобы его спасти и спрятать, был убит поповский сын.

Тогда толпа бросилась в Кремль, царя Федора с матерью и сестрой перевели в прежний боярский дом Годуновых. Вскоре появились и новые посланцы от самозванца – князь Голицын и Масальский. Они распорядились сослать патриарха Иова в Старицу, убить царя Федора и его мать. Так произошел первый в истории России случай цареубийства (князей в домонгольское и монгольское время убивали нередко). Впрочем, далеко не последний. В мартирологе жертв цареубийств окажутся имена Василия Шуйского (вряд ли он умер своей смертью в польском застенке), императоров Иоанна Антоновича, Петра III, Павла I, царя-освободителя Александра II, Николая II и всех членов его семьи. Должность самодержавного монарха в России была весьма опасной.

20 июня 1605 года Дмитрий въехал в столицу.

«Немногие из государей бывали столь усердно приветствуемы народом, как Лжедмитрий в день своего торжественного въезда в Москву: рассказы о его мнимом, чудес-

ном спасении, память ужасных естественных бед Годунова времени, и надежда, что Небо, возвратив престол Владимирову потомству, возвратит благоденствие России, влекли сердца в сретение юному монарху, любимцу счастья», – замечал Карамзин.

Через четыре дня был поставлен новый патриарх, грек Игнатий, одним из первых признавший самозванца. Псевдопатриарх венчал Лжедмитрия I на царство в Успенском соборе Кремля 30 июля. Более того, Лжедмитрий I по иронии судьбы оказался первым, кто короновался как «Божьей милостью император».

Народ и значительная часть элиты приняли нового самодержца. В числе присягнувших был и стольник Дмитрий Михайлович Пожарский. По городам и селениям полетели грамоты, призывавшие к крестному целованию – знаку верности новому государю. Не стал исключением и Нижний Новгород. В венчанном на царство Дмитрие видели законного правителя, волю которого надлежит исполнять.

Руководитель комитета по делам архивов Нижегородской области Борис Моисеевич Пудалов, наиболее глубоко знакомый с ее архивным наследием, установил: «Судя по сохранившимся документам, в 1605 г. при Лжедмитрии I в Нижнем Новгороде не было воевод (распоряжения правительства адресованы губному старосте Андрею Бардину сыну Глядко-ву), а в Арзамасе прекращение деятельности местной администрации (в лице городского приказчика Юмшана Лобано-

ва) наблюдается между сентябрем 1606 г. и январем 1607 г.». Кузнецов и Морохин добавляют: «Никаких признаков игнорирования или саботажа воли “царя Дмитрия Ивановича” в Нижнем Новгороде не наблюдалось».

Лжедмитрий I за время своего короткого правления оставил по себе долгую память, если считать по числу драматических и исторических произведений, ему посвященных. «На престоле московских государей он был небывалым явлением, – писал Ключевский. – ...Он совершенно изменил чопорный порядок жизни старых московских государей и их тяжелое, угнетательное отношение к людям, нарушал заветные обычаи священной московской старины, не спал после обеда, не ходил в баню, со всеми обращался просто, обходительно, не по-царски. Он тотчас показал себя деятельным управителем, чуждался жестокости, сам вникал во все, каждый день бывал в Боярской думе, сам обучал ратных людей. Своим образом действий он приобрел широкую и сильную привязанность в народе, хотя в Москве кое-кто подозревал и открыто обличал его в самозванстве».

Однако не все было столь однозначно. Если Лжедмитрий и был образован и воспитан, то не на московский лад. Он не держал себя в соответствии с царским саном, не признавал традиционный церемониал, мог пешком пройти по городу. Игнорировал он и многие православные обычаи, не усердствовал с посещением церквей, одевался в соответствии с

польской модой и так же одел свою охрану, жаловал «литву», как чаще называли поляков. «От него пахло ненавистным Москве латинством и Польшей», – замечал Платонов.

Прибывшие с Лжедмитрием поляки возмущали москвичей своей наглостью, бесцеремонностью и высокомерием, открытым издевательством над российскими обычаями, над православным духовенством. В Смуту подвергнутся истязаниям и погибнут архиепископы Феокист Тверской, Иосиф Коломенский, Сергей Смоленский, митрополит Исидор Новгородский.

Но главная причина стремительного падения Лжедмитрия была даже не в этом. В глазах правившего боярства он исполнил свою роль, когда помог убрать Годуновых. И элите уже не нужен был самозванец.

В то самое время, когда мать настоящего царевича Дмитрия инокиня Марфа, возвращенная из ссылки, признав подлинность самозванца, утверждала его на престоле, Василий Шуйский с коллегами уже ему изменил, в очередной раз поменяв показания и фактически объявив его самозванцем. Измена была раскрыта новым царем, и Шуйского с братьями отдали на суд специально собранного Земского собора. Смертный приговор, вынесенный этим собором, Лжедмитрий заменил ссылкой. Но вскоре опрометчиво вернул Шуйских и возвратил им боярство. Лжедмитрий был самоуверен: действительно, какой клеветы от каких-то бояр мог бы бояться настоящий сын Ивана Грозного, за которого выдавал

себя самозванец.

В центре заговора против Лжедмитрия I и шляхтичей из его окружения окажутся князья Шуйские, Мстиславский, Голицыны, бояре Романовы, Шереметев, Татищев. На собрании заговорщиков накануне восстания Шуйский откровенно заявил, сообщил Ключевский, что «признал Лжедмитрия только для того, чтобы избавиться от Годунова. Большим боярам нужно было создать самозванца, чтобы низложить Годунова, а потом низложить и самозванца, чтобы открыть дорогу к престолу одному из своей среды. Они так и сделали».

По поводу пышной свадьбы воцарившегося в Кремле Лжедмитрия и Марины Мнишек столицу наводнила ее многочисленная польская свита, это явилось одной из причин острого недовольства москвичей, не оценивших также прозелитского рвения иезуитов, воспринимавшегося как святотатство.

Конрад Буссов справедливо замечал, что Лжедмитрия погубили два порока – беспечность и тщеславие: «Беспечность приняла у него такие размеры, что он даже гневался на тех, кто говорил об измене московитов и о том, что они намереваются убить его вместе с поляками. Тщеславие ежедневно возрастало и у него, и у его царицы, оно проявлялось не только в том, что во всякой роскоши и пышности они превзошли всех других бывших царей, но он приказал даже именовать себя “царем всех царей”».

17 мая 1606 года Василий Шуйский, еще недавно испол-

нявший самую почетную обязанность тысяцкого на свадьбе царя Дмитрия Ивановича, направил действия толпы. Тем ранним субботним утром на Красную площадь побежали люди с криками:

– В город! В город! Город горит!

Во всех кремлевских храмах ударили в колокола. Стрелецкая охрана у ворот Кремля была сметена. Около двухсот заговорщиков, в основном – дворян, побежали к дворцу, где находилась царская чета. Внутренняя охрана из эффектных немецких алебардчиков оказалась беспомощна перед людьми с саблями и ручными пищалями. Дневавший и ночевавший у царских дверей боярин Петр Басманов был убит вместе с оставшимися верными царю Дмитрию охранниками. Самозванец безуспешно искал свой меч, хранителем которого был мечник князь Михаил Васильевич Шуйский. Схватка у дверей царских покоев позволила самозванцу бежать через другой выход, крикнув в окно Марине Мнишек:

– Сердце мое, измена!

Лжедмитрий выпрыгнул из окна во двор с высоты 7–8 метров и упал, потеряв сознание.

Тем временем в Кремль уже ворвалась толпа, влекомая криками:

– Литва бояр бьет! На помощь боярам!

Лжедмитрий попал в руки стрельцов, которые привели его в чувство, облив водой. Царь умолял защитить его от из-

менников Шуйских, привести его на Лобное место, где он мог бы обратиться к народу, обещал пожаловать стрельцов за это дворами бояр-предателей и женить на боярских женах. Стрельцы было начали защищать Лжедмитрия от натиска заговорщиков. Но скоро отступили из-за угроз со стороны дворян перебить стрельецких жен и детей. Стрельцы «опустили свои пищали».

«Видно, так угодно было Богу, не хотевшему долее терпеть гордости и надменности этого Дмитрия, который не признавал себе равным ни одного государя в мире и почти равнял себя Богу», – заключили послы Николай Олесницкий и Александр Гонсевский, составившие по горячим следам донесение о госперевороте. Бояре обвинили царя в том, что он «не действительный Дмитрий, а Гришка Отрепьев». Князь Василий Голицын объявил от имени Марфы Нагой, что «она сознается и говорит, что он не ее сын, что ее сын Дмитрий действительно убит, и тело его лежит в Угличе». Лжедмитрий настаивал на своем царском происхождении.

Препирательство могло продолжаться долго, но тут свой приговор вынес дворянин Григорий Валуев. Он протиснулся через толпу и выстрелил «из-под армяка» в царя из ручной пищали. Толпа бросилась терзать мертвое тело.

«Истинный царевич» в момент сделался «расстригой» и «еретиком». Во время переворота был низвергнут патриарх Игнатий и убито от двух до трех тысяч русских и поляков. Марину Мнишек взяли под стражу и выслали в Ярославль.

Сдавшихся сторонников Лжедмитрия изгнали из Москвы.

Убийство Лжедмитрия I, считал Карамзин, «имело ужасные следствия для России; могло бы иметь еще и гибельнейшие. Самовластные управы народа бывают для гражданских обществ вреднее личных несправедливостей или заблуждений государя. Мудрость целых веков нужна для утверждения власти: один час народного исступления разрушает основу ее, которая есть уважение нравственное к сану властителей. Московитяне истерзали того, кому недавно присягали в верности: горе его преемнику и народу!»

Глава 2. Под властью Шуйского

Царь не настоящий

Москва осталась без царя. По удачному выражению члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской академии наук Николая Ивановича Костомарова: «Дмитрий уничтожил Годуновых и сам исчез, как призрак, оставив за собой страшную пропасть, чуть было не поглотившую Московское государство».

После убийства Лжедмитрия I зазвучали требования созыва нового Земского собора для избрания царя. В грамоте, разосланной от имени бояр и «разных чинов людей», было сказано, что, по низложению Гришки Отрепьева, Освященный собор, бояре и всякие люди избирали государя «всем Московским государством» и избрали князя Василия Ивановича Шуйского, всея Руси самодержца. То есть акт говорил о соборном избрании царя, но такого избрания в реальности не было. Василий Шуйский, как писал историк земских соборов Иван Дмитриевич Беляев, «был провозглашен царем всей России только своими ближайшими сторонниками, бывшими при дворе, так что и не все москвичи ведали о его избрании».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.